

Абхазский кризис: от Концепции осознания общих угроз к построению «Абхазского сообщества безопасности»

Александр Русецкий, Лаборатория Геополитического моделирования Кавказского Международного Университета

Ольга Дорохина, Тбилисский институт международных отношений

Мир может в конце концов прийти, но только тогда, когда победа и поражение потеряют свое значение.

Карл Юнг

Данная статья является частью исследования, проводимого в рамках Программы поддержки докторантских работ Грузинского национального фонда науки имени Шота Руставели. Наименование исследования – «Интердисциплинарный анализ комплексной системы Абхазского конфликта методом 4D-RAV-17» (номер гранта – PHDF-18-1147). Метод представляет из себя совокупность известных и инновационных подходов и техник.

Данная статья является частью указанного исследования. Комплексная система Абхазского конфликта в данной статье получила условное определение – Абхазский кризис. Политическая составляющая комплексной системы – соответственно названа Абхазским политическим кризисом и является главным объектом исследования в рамках статьи.

Статья направлена на решение конкретной научно-прикладной задачи – на определение научно обоснованного метода для позитивной трансформации Абхазского политического кризиса и перехода к новому уровню политического порядка – к Абхазскому сообществу безопасности.

В статье рассматривается возможность проведения работы по разработке и внедрению нового, альтернативного существующему, миротворческого процесса, в основу которого может лечь политика перехода Абхазского политического кризиса к новому политическому порядку. Инструментами последовательного перехода являются:

- построение модели структуры Абхазского политического кризиса.
- Концепция осознания общих угроз.
- Концепция Абхазского сообщества безопасности.

Работа может быть отнесена к исследованиям: Абхазии (Abkhazian Studies); конфликтов и мира (Conflicts and Peace Studies), кризисов (Crisis Studies), проблем безопасности (Security Studies), политики (Political Studies) и международных отношений (International Studies).

Практическая значимость работы и новизна. В результате рефлексивного анализа прошлого и существующего политического и научного дискурса, впервые было показано отсутствие холистических исследований и доминирование редукционизма в восприятии и в описании Абхазского кризиса и отдельных конфликтов – его составляющих. В научных работах в основном сложный и многосоставной конфликт сводится к гибридной и научно-необоснованной формулировке – «грузино-абхазский» конфликт. Данная формулировка доминирует также в политическом дискурсе и даже в международных документах.

В результате тщательного анализа и синтеза полученной информации, впервые было дано краткое и условное определение комплексной системы Абхазского конфликта – «Абхазский кризис».

В результате данного исследования впервые, на научном уровне, угрозы безопасности рассматриваются в качестве миротворческого ресурса и сформулирована Концепция осознания общих угроз.

Также впервые (в случае Абхазского кризиса) была предложена к рассмотрению известная Теория сообщества безопасности для международных отношений Карла Дойча. Она была адаптирована к специфике данного конфликта, не относящегося только к измерению международных отношений. В исследовании была произведена классификация политической составляющей кризиса и предложена модель Абхазского политического кризиса, включающая в себя и внутреннюю, и международные составляющие кризиса. Представленная дефиниция – «смешанный конфликт» – теоретически решила конфликт между сторонниками определять этот конфликт как «внутренний, локальный» и теми, кто считает его «международным». Это полезное решение и для других политических конфликтов постсоветского пространства, в частности, для «Донбасского кризиса».

С теоретической и с практической точек зрения было обращено внимание на тот факт, что исследования в области безопасности (Security Studies), рассматриваются подсистемой исследований в сфере международных отношений (International Studies), что не позволяет эффективно использовать существующие в этих сферах научные достижения к смешанным конфликтам.

В статье предлагаются конкретные инновационные идеи для внедрения данных подходов и техник. Данная статья предлагает решение задач повышения эффективности миротворческого процесса. Сама задача носит инновационный характер, так как в основном исследования, проводимые ранее в данной сфере (вокруг Абхазского конфликта), в большей степени ориентированы на исследование конфликтов (Conflicts Studies), а не миротворчества (Peace Studies). В частности, это касается дефицита исследований, направленных на изучение эффективности миротворческих процессов.

В результате формализации полученных результатов, в статье приведены новые политические понятия – неологизмы, до данного момента не используемые (или не в достаточной степени используемые) по отношению к данной проблематике. Среди них можно выделить следующие: «Абхазский кризис»; «смешанный конфликт»; «сепаратисты Абхазии»; «унионисты Абхазии»; «ирредентисты Абхазии»; «интернационализация миротворческого процесса»; «легитимность миротворческих форматов»; «демократизация переговорного процесса»; «Абхазское сообщество безопасности».

В результате проведенной работы представлен алгоритм поэтапных действий, который может привести к выходу из кризиса и переходу к новому уровню культуры управления и политическому порядку. Также приведены конкретные практические рекомендации, которые могут быть использованы участниками процесса.

Исследования по совершенствованию данной модели продолжаются, подготавливаются следующие статьи, ведутся переговоры по внедрению с представителями сторон-участниц на экспертном и политическом уровне.

Данное исследование может быть полезным для тех, кто интересуется Абхазским вопросом, а также для адаптации и использования, изложенных в статье подходов и техник для повышения качества миротворческих процессов по урегулированию других конфликтов и кризисов.

Ключевые слова: *Абхазский кризис; общие угрозы; Абхазское сообщество безопасности; миротворческий процесс; новый политический порядок*

Abkhazian crisis: from the Concept of Awareness of Common Threats to the Building of an "Abkhazian Security Community"

Alexander Rusetsky, Laboratory of Geopolitical Modelling of Caucasus International University

Olga Dorokhina, Tbilisi Institute of International Relations

This article is part of a research conducted as part of the Support Program for Doctoral Studies of Shota Rustaveli Georgian National Science Foundation.

Name of the research – "Interdisciplinary analysis of the complex system of the Abkhazian conflict by the method 4D-RAV-17" (grant number – PHDF-18-1147). The method is a combination of well-known and innovative approaches and techniques. This article is part of the abovementioned research. The complex system of the Abkhazian conflict in this article received a conditional definition – the Abkhazian crisis. The political component of the complex system is accordingly called the Abkhazian political crisis and is the main object of research in the framework of the article.

The article is aimed at solving a specific scientific and applied task – at determining a scientifically based method for the positive transformation of the Abkhazian political crisis and the transition to a new level of political order – to the Abkhazian security community.

The article considers the possibility of carrying out work on the development and implementation of a new, alternative to the existing, peacemaking process, which can be based on the policy of the transition of the Abkhazian political crisis to a new political order.

Consecutive transition tools are the following:

- building a model of the structure of the Abkhazian political crisis;
- The concept of awareness of common threats;
- The concept of the Abkhazian security community.

The work can be attributed to the following studies: Abkhazian Studies; Conflicts and Peace Studies, Crisis Studies, Security Studies, Political Studies and International Studies.

The practical significance of the work and novelty. As a result of a reflective analysis of the past and existing political and scientific discourse, the absence of holistic research and the dominance of reductionism in the perception and description of the Abkhazian crisis and individual conflicts – its components - were first shown. In scientific works, a mostly complex and multi-component conflict is taken down to a hybrid and scientifically unreasonable formulation – "Georgian-Abkhazian" conflict. This wording also dominates in political discourse and even in international documents.

As a result of a thoroughful analysis and synthesis of the information received, for the first time a brief and conditional definition was given to the complex system of the Abkhazian conflict – "Abkhazian crisis".

As a result of this research, for the first time, at a scientific level, security threats are considered as a resource for peacemaking and the Concept of awareness of common threats is formulated.

Also, for the first time (in the case of the Abkhazian crisis), the well-known Theory of the Security Community for International Relations of Karl Deutsch was proposed. It was adapted to the specifics of this conflict, not only related to the dimension of international relations. The political component of the crisis was classified in the research and a model of the Abkhazian political crisis was proposed, which includes both the domestic and international components of the crisis. The presented definition – "mixed conflict" theoretically resolved the conflict between supporters to define this conflict as "internal, local" and those who consider it "international". This is a useful solution for other political conflicts of the post-Soviet Union space, in particular, for the "Donbas crisis".

From a theoretical and practical points of view, attention was drawn to the fact that Security Studies are considered a subsystem of studies in the field of International Studies, which does not allow the effective use of existing scientific achievements in these fields for mixed conflicts.

The article proposes specific innovative ideas for implementing these approaches and techniques. This article proposes solutions to the problems of increasing the effectiveness of the peacemaking process. The task itself has an innovative character, since basically researches conducted earlier in this area (around the Abkhazian conflict) is more focused on the Conflicts Studies, rather than Peace Studies. In particular, this concerns the lack of research aimed at studying the effectiveness of peacemaking processes.

As a result of formalization of the results obtained, the article presents new political concepts – neologisms, which until now have not been used (or not sufficiently used) in relation to this issue. Among them the following may be outlined: "Abkhazian crisis"; "Mixed conflict", "secessionists of Abkhazia"; "unionists of Abkhazia"; "irredentists of Abkhazia"; "Internationalization of the peacemaking process"; "legitimacy of peacemaking formats"; "democratization of the negotiation process"; "Abkhazian Security Community".

As a result of the conducted work, an algorithm of stage-by-stage actions is presented, which can lead to a way out of the crisis and a transition to a new level of management culture and political order. It also provides specific practical recommendations that can be used by the participants in the process.

Research on improvement of this model is ongoing, the following articles are being prepared, and negotiations are conducted on implementation with representatives of the participating parties at the expert and political levels.

This research may be useful for those interested in the Abkhazian issue, as well as for adapting and using the approaches and techniques described in this article to improve the quality of peacemaking processes to resolve other conflicts and crises.

Keywords: *Abkhazian crisis; common threats; Abkhazian security community; peacemaking process; new political order*

Абхазька криза: від Концепції усвідомлення спільних загроз до побудови «Абхазької спільноти безпеки»

Олександр Русецький, Лабораторія Геополітичного моделювання Кавказького Міжнародного Університету

Ольга Дорохіна, Кавказький міжнародний університет

Дана стаття є частиною дослідження, проведеного в межах Програми підтримки докторантських робіт Грузинського національного фонду науки імені Шота Руставелі. Найменування дослідження – «Інтердисциплінарний аналіз комплексної системи Абхазького конфлікту методом 4D-RAV-17» (номер гранту – PHDF-18-1147). Метод являє собою сукупність відомих і інноваційних підходів і технік.

Дана стаття є частиною зазначеного дослідження. Комплексна система Абхазького конфлікту в даній статті отримала умовне визначення – Абхазька криза. Політична складова комплексної системи – відповідно названа Абхазькою політичною кризою і є головним об'єктом дослідження в межах статті.

Стаття спрямована на вирішення конкретного науково-прикладного завдання – на визначення науково обґрунтованого методу для позитивної трансформації Абхазької політичної кризи і переходу до нового рівня політичного порядку – до абхазького співтовариства безпеки.

У статті розглядається можливість проведення роботи з розробки і впровадження нового, альтернативного наявному, миротворчого процесу в основу якого може лягти політика переходу Абхазької політичної кризи до нового політичного порядку. Інструментами послідовного переходу є:

- побудова моделі структури Абхазької політичної кризи;
- Концепція усвідомлення загальних загроз;
- Концепція Абхазької спільноти.

Робота може бути віднесена до досліджень: Абхазії (Abkhazian Studies); конфліктів і миру (Conflicts and Peace Studies), криз (Crisis Studies), проблем безпеки (Security Studies), політики (Political Studies) та міжнародних відносин (International Studies).

Практичне значення роботи і новизна. У результаті рефлексивного аналізу минулого і наявного політичного та наукового дискурсу, уперше було показано відсутність холистичних досліджень і домінування редукціонізму у сприйнятті і в описі Абхазької кризи і окремих конфліктів – її складових. У наукових роботах в основному складний і багатоскладовий конфлікт зводиться до гібридного і науково-необґрунтованого формулювання – «грузино-абхазький» конфлікт. Дане формулювання домінує також у політичному дискурсі і навіть у міжнародних документах.

У результаті ретельного аналізу і синтезу отриманої інформації уперше було дано короткий і умовне визначення комплексної системи Абхазького конфлікту – «Абхазька криза».

У результаті даного дослідження вперше, на науковому рівні, загрози безпеки розглядаються в якості миротворчого ресурсу і сформульована Концепція усвідомлення загальних загроз.

Також уперше (у разі Абхазької кризи) була запропонована до розгляду відома Теорія спільноти безпеки для міжнародних відносин Карла Дойча. Вона була адаптована до специфіки даного конфлікту, який не належить тільки до вимірювання міжнародних відносин. У дослідженні була проведена класифікація політичної складової кризи і запропонована модель Абхазької політичної кризи, що включає в себе і внутрішню, і міжнародну складові кризи. Представлена дефініція – «змішаний конфлікт» теоретично вирішила конфлікт між прихильниками визначити цей конфлікт як «внутрішній, локальний» і тими, хто вважає його «міжнародним». Це корисне рішення і для інших політичних конфліктів пострадянського простору, зокрема, для «Донбаської кризи».

З теоретичної і з практичної точок зору було звернено увагу на той факт, що дослідження в галузі безпеки (Security Studies) розглядаються підсистемою досліджень у сфері міжнародних відносин (International Studies), що не дозволяє ефективно використовувати наявні в цих сферах наукові досягнення до змішаних конфліктів.

У статті пропонуються конкретні інноваційні ідеї для впровадження даних підходів і технік. Дана стаття пропонує вирішення завдань підвищення ефективності миротворчого процесу. Сама задача носить інноваційний характер, оскільки в основному дослідження, проведені раніше у даній сфері (навколо абхазького конфлікту), більшою мірою орієнтовані на дослідження конфліктів (Conflicts Studies), а не миротворчості (Peace Studies). Зокрема, це стосується дефіциту досліджень, спрямованих на вивчення ефективності миротворчих процесів.

У результаті формалізації отриманих результатів, у статті наведені нові політичні поняття – неологізми, що до даного моменту не використовуються (або не в достатній мірі використовуються) щодо даної проблематики. Серед них можна виокремити наступні: «Абхазька криза»; «змішаний конфлікт», «сецесіоністів Абхазії»; «уніоністи Абхазії»; «ірредентистів Абхазії»; «Інтернаціоналізація миротворчого процесу»; «Легітимність миротворчих форматів»; «Демократизація переговорного процесу»; «Абхазьке співтовариство безпеки».

У результаті проведеної роботи представлений алгоритм поетапних дій, який може призвести до виходу з кризи і переходу до нового рівня культури управління і політичного порядку. Також наведені конкретні практичні рекомендації, які можуть бути використані учасниками процесу.

Дослідження щодо вдосконалення даної моделі тривають, готуються наступні статті, ведуться переговори із впровадження з представниками сторін-учасниць на експертному і політичному рівні.

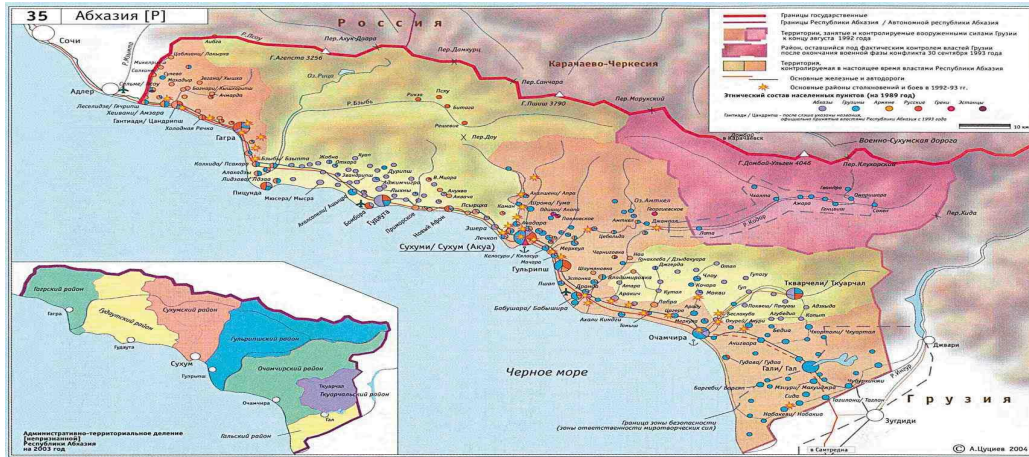
Дане дослідження може бути корисним для тих, хто цікавиться Абхазьким питанням, а також для адаптації і використання викладених в статті підходів і технік для підвищення якості миротворчих процесів щодо врегулювання інших конфліктів і криз.

***Ключові слова:** Абхазька криза; загальні загрози; Абхазьке співтовариство безпеки; миротворчий процес; новий політичний порядок*

Описание Абхазского политического кризиса

После распада СССР, по разным данным, в результате Абхазского кризиса погибли во время боевых действий,

насилия и террора (в 1989–2019 гг.) более 10 000 тысяч человек, более 200 000 оказались насильственно изгнанными, около 100 000 были вынуждены покинуть Абхазию «по своей воле».



Источник: Цуциев А., Атлас этнополитической истории Кавказа, Карта 35. Зона конфликта в Абхазии (1992–1993) [17]

Данные по населению Абхазии в разных источниках разные и являются предметом и н ф о р м а ц и о н н о - п р о п а г а н д и с т с к о й составляющей Абхазского кризиса.

Согласно данным последней Всесоюзной переписи населения [20], проведенной в 1989 г., численность населения Абхазии составляла 525 061 человек [1, с. 252]. По переписи же населения, проведенной де-факто властями Абхазии в 2003 г., численность населения составила – 215 972 [18]. По оценке Сакстата (Грузинского статистического агентства) население Абхазии на 2003 г. составляло 179 000 [20]. Как видим разница весьма значимая.

За последние 30 лет, наряду с количественными изменениями населения Абхазии, произошли и качественные изменения. В Абхазии сократилось число жителей, поддерживающих территориальную целостность Грузии. Резко изменилась и этническая карта Абхазии. В таблице №1 приведены данные советской переписи, проведенной в 1989 г., а также, представленной сепаратистскими властями Абхазии. Необходимо отметить, что в переписи, мегрелы (составляющие основную этническую группу грузинского народа, выделены в отдельную группу, что является умышленным провоцированием конфликта между грузинскими этническими группами).

Введенное в статье понятие «Абхазский кризис» – это условное наименование сложной (комплексной) системы разнородных (этнических,

политических, экономических, религиозных, криминальных, лингвистических) конфликтов, происходящих вокруг Абхазии.

Данное определение («Абхазский кризис») является результатом длительных наблюдений за научным и политическим дискурсом, который до сегодняшнего представляет конфликт, предметом которого является само наименование конфликта. Этот конфликт является частью информационно-психологической войны.

Политический неологизм – «Абхазский кризис» – является попыткой сменить редуционистский подход – холистическим и предложить сторонам конфликта воспринять реальную картину конфликта, уйти от этнизированных стереотипов восприятия к реальному процессу урегулирования.

Именно доминирующий сегодня редуционистский, эгоцентричный и этнократический стиль политического мышления, ограничивающий свободу творческого и холистического переосмысления самого кризиса, завел переговорный процесс по урегулированию в тупик. Существующие форматы переговорных процессов по урегулированию конфликта не могут пока решить вопроса нормализации отношений между сторонниками и противниками отделения Абхазии от Грузии (сепаратистами и унитаристами). Более того, этот вопрос в повестке дня и не рассматривается. Унитаристы изъяты и из самого переговорного процесса.

Таблица 1

Динамика изменения численности и этнического состава населения Абхазии по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года [2] и данным «национального состава наличного населения на 1 января 2019 года «Республики Абхазия» [7]

Абхазия, все население	Население в 1989 г., чел.	Население на 1-ое января 2019 г., чел.	Изменение в 1989–2019 гг., чел.	Изменение в 1989–2019 гг., %
		525061	243936	-281125
Абхазы	93267	125778	32511	35%
Грузины	239872	43636	-199494	-83%
Мингрелы		3258		
Русские	74914	22465	-52449	-70%
Армяне	76541	41910	-34631	-45%
Греки	14664	1360	-13304	-91%
Украинцы	11655	1770	-9885	-85%
Осетины	1165	596	-569	-49%
Татары	1099	346	-753	-69%
Эстонцы	1466	358	-1108	-76%
Белорусы	2084	268	-1816	-87%
Турки	708*	748	40	6%
Цыгане	412	290	-122	-30%
Евреи	1682*	Нет данных		
Другие	5532	1153	-4379	-79%

*В отношении «евреев» в таблице представлены суммарные данные, так как во Всесоюзной переписи населения были перечислены следующие группы «евреи», «евреи горские», «евреи грузинские», «евреи среднеазиатские». Информации о численности «евреев» на 2019 год нет, также стоит отметить, что по этим данным нет информации о таких группах, которые были представлены в 1989 – азербайджанцы (517 чел.), поляки (457 чел.), немцы (344 чел.)

Основными игроками рассматриваются «Тбилиси» (центральные власти Грузии) и «Сухуми» (сецессионисты). Эта неверная модель зафиксирована в различных международных документах и подрывает доверие к таким международным организациям, как ООН (резолюция 1666) [33]. Еще более плачевное положение по данному вопросу в Украине. Интересы унионистов Донбасса практически не защищены и не представлены. Создается такое впечатление, что проживающие на этих территориях люди тотально являются сторонниками децентрализации и ухода с политической орбиты Киева. Появляются в политическом и в научном дискурсе такие неадекватные термины, как «сепаратистские регионы». Подобный беспредел не допускается в других случаях. Например, в случае Нагорного Карабахского конфликта ситуация иная. «Степанакерт» не допускается в переговоры. Переговоры идут между «Баку» и «Ереваном».

Это в некоторой степени выравнивает права сецессионистов (арцахцев) и унионистов (карабахцев). Однако, ни в одном из этих форматов уровень легитимности переговорного процесса не достаточен для позитивной трансформации конфликтов и переходу к новому уровню культуры сосуществования. В обоих случаях представители разделенных обществ должны иметь равные возможности участия в политических процессах, решающих, в том числе, и их судьбу. Необходима поддержка демократизации переговорных процессов [3].

Созданный «политический порядок» не удовлетворяет большую часть населения Абхазии, права и интересы многих подкатегорий населения нарушены. Они вытеснены из политического процесса. Особенно это касается сторонников территориальной целостности, проживающих на территории Абхазии или массово изгнанных в результате этнического и идеологического выдавливания. В условиях политических кризисов

экономическое благополучие, территориальная целостность, политический режим, основные ценности, военная сила являются наиболее уязвимыми объектами, подверженными угрозам. [30; 31].

По определению Пушкаревой Г., политический кризис рассматривается как частичная или полная дезорганизация институционального политического порядка, когда нормы и правила, регулирующие политические взаимодействия, перестают выполнять свою основную функцию. Внешне кризис проявляется в нарастании политической девиации, в возникновении политических конфликтов [10, с. 140]. Абхазский политический кризис относится также к категории затяжных.

Главным показателем Абхазского политического кризиса является существование двух параллельных институтов власти (на территории Абхазии и в изгнании), которые взаимно не признают друг друга и находятся в конфронтации. То есть мы можем констатировать, с одной стороны, факт отсутствия единого политического института, обладающим достаточным уровнем легитимности для управления всем обществом, а, с другой стороны, попытку каждого из данных политических институтов считать себя легитимными. Ни один из них легитимным по отношению к Абхазии не является. Исходя из этого фундаментом политического кризиса является кризис легитимности власти.

Абхазия сегодня находится под военным, политическим и экономическим надзором со стороны РФ. На территории Абхазии размещены российские военные объекты, которые унионисты считают оккупационными. Они также напоминают, что Советской Россией часть территорий Западной Абхазии была аннексирована и является сегодня частью Краснодарского края.

Данное состояние Абхазского кризиса можно, согласно основателю девиантологии – Дюркгейму Э. (Durkheim E.), назвать аномией. По Дюркгейму, аномия — это такое состояние общества, при котором наступают разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок [13, с. 140].

Грузинские ученые Туркиашвили Ш. и Горозия В., ссылаясь на Роберта Мертона, рассматривают аномия как результат конфликта между «культурой» и «социальными структурами». По

Мертону, «Аномия выражает такую социальную ситуацию, когда люди не могут достичь своих целей законными средствами, и, в силу этого, они игнорируют указанные средства, пытаясь достичь цели незаконными средствами» [15].

Мертоновское определение аномии очень созвучно с тем, что происходит вокруг Абхазии. Многосоставное в культурном понимании общество Абхазии находится в состоянии «переходного периода», в поиске «социальных структур», способных адекватно представить их интересы в сфере безопасности и развития. Генезис и развитие подсистем Абхазского общества различный в этническом, политическом, лингвистическом и культурном плане. И каждая из подсистем общества имеет на то свои соображения.

Существующий между ними конфликт в случае очередной его эскалации представляет из себя угрозу безопасности всем частям разделенного общества. Глубина разделения была увеличена в результате войн и насилия. При этом каждая составляющая Абхазского кризиса имеет свои границы раздела. Принципиально важным является тот факт, что границы этнические и политические не совпадают друг с другом как это наглядно представлено в случае Нагорно-Карабахского конфликта. Недоверие между сторонами политического конфликта не позволяет объединить усилия по предупреждению и/или минимизации других общих угроз.

Побежденные стороны намерены продолжать попытки трансформации ситуации, вывода российских войск, возвращения беженцев и создания нового политического порядка, учитывающие их интересы и права. Победившие стороны намерены продолжать действия, направленные на сохранение существующего положения и его утверждения. Однако сепаратисты пытаются уменьшить зависимость от России и ведут переговоры с Турцией [16] и со странами Запада, а ирредентисты Абхазии пытаются углубить процесс интеграции с РФ.

Модель политической составляющей Абхазского кризиса

В данной статье представлена обновленная модель политического кризиса по Абхазии, которая ранее была опубликована в таких работах, как «Сецессионисты и унионисты Грузии: от межобщинного диалога к общенациональному согласию» [14], «Конфликты и квазимиротворчество на Кавказе» [11].

В данной статье дедуктивно рассматривается

лишь политическая составляющая Абхазского кризиса, которая представляет из себя многоуровневый конфликт смешанного типа, состоящий как из внутреннего, так и из международного конфликта. На внутреннем уровне она (политическая составляющая) представлена двумя подуровнями: Внутренний политический конфликт в Абхазии:

- Конфликт внутри Абхазии между двумя частями разделенного общества: – унионистами (сторонники территориальной целостности); – сецессионистами (сторонники отделения).

- Конфликт между сецессионистами: ирредентистами (сторонниками интеграции Абхазии в другие государства и сепаратистами (сторонникам независимого государства) Абхазии.

- Конфликт между ирредентистами: пророссийскими, протурецкими и проармянскими.

- Политический конфликт между сепаратистами – пророссийскими, протурецкими и прозападными (здесь сторонники нескольких прозападных течений – США, Великобритания, ЕС).

- Политический конфликт между – пророссийскими и прозападными унионистами (Единая Грузия на орбите России и Единая Грузия на орбите Запада. Усиливаются позиции третьей группы – «почвенников», ориентированных на максимальную независимость Грузии).

- Политический конфликт между самими абхазскими унионистами делит их также на следующие группы – конфедералисты, федералисты, автономисты, унитаристы.

Внутренний политический конфликт в Грузии:

- Конфликт внутри Грузии между центром и регионом (абхазские сецессионисты этот уровень считают не внутренним, а международным – между Абхазией и Грузией, опираясь на то, что являются признанным со стороны РФ независимым государством). Унионисты считают, что этот конфликт является внутренним делом Грузии. Конфликт между центром и регионом состоит из двух составляющих: «Центр – сецессионисты» и «Центр – унионисты».

На международном уровне можно выделить следующие составляющие:

- Абхазский кризис является подсистемой конфликтов, связанных с распадом СССР. Зафиксированы различные формы международного сотрудничества между сецессионистскими правительствами этих регионов, а также между соответствующими

институциями унионистов [12].

- Конфликт между Грузией и РФ по Абхазии.

- Абхазский кризис является подсистемой Кавказского кризиса, представленного конфликтами как на Южном, так и на Северном Кавказе. В вооруженном противостоянии активное участие принимали боевики с Северного Кавказа. Они поддерживали проект создания Конфедерации горских народов со столицей в Сухуми.

- Абхазско-Российский конфликт – части разделенного конфликта общества – абхазские сецессионисты (в особенности сепаратисты), а также абхазские унионисты имеют свои исторические претензии к РФ. Этот конфликт унионисты рассматривают как часть конфликта Между Россией и Грузией, но сецессионисты – как автономный международный конфликт.

- Российско-Турецкий конфликт по Абхазии. Данный конфликт имеет глубокие исторические корни и является подсистемой Черноморского конфликта по разделу влияния между двумя державами.

- На сегодняшний день наглядно видна конфликтная дуга Северного Причерноморья – от Одессы до Батуми. Поэтому необходимо учитывать еще одну важную составляющую данного конфликта, а именно – Российско-Украинское противостояние на Черном море. Украина поддерживала традиционно в этом противостоянии Грузию и имело на то свои основания и глубокие интересы.

- Интересна конфликтная пара ГУАМ-РФ. Страны ГУАМ, это государства бывшего СССР, которые объединены общей проблемой – «сецессионизм, поддерживаемым со стороны РФ». В некоторой степени, ГУАМ – альтернатива СНГ.

- Измерение с участием глобальных игроков (например, НАТО и ОДКБ).

Изложенная выше структура Абхазского политического конфликта показывает с одной стороны сложность решения поставленной задачи (позитивной трансформации конфликта), а, с другой стороны, привлекательность предлагаемого нами инновационного метода.

Представленный анализ наглядно показывает подсистемы политического конфликта. Это – необходимая задача для построения архитектуры миротворческого процесса, которая соответствует структуре данного конфликта. Представленная в статье реальная структура наглядно показывает,

что существующие переговорные форматы не соответствуют структуре Абхазского политического кризиса и являются примером квазимиротворчества. Для позитивной трансформации конфликтов и выхода из кризиса необходимо построение новой архитектуры миротворческого процесса, соответствующей модели кризиса, обладающего большей степенью легитимности и права называться миротворческим.

Краткое описание Концепции осознания общих угроз

Концепция осознания общих угроз представлена нами с той целью, чтобы найти возможности достойного и взаимовыгодного выхода из кризиса для всех участников рассматриваемого процесса.

Основой для сближения сторон-участниц, нами рассматривается политика осознания ими общих угроз. Вся история цивилизации состоит из того, что народы, враждующие традиционно между собой, объединялись для того, чтобы отразить угрозу нападения со стороны внешнего агрессора. Так формировались современные нации и государства. Эта тема наглядно представлена и в историографии, и в политических науках, и в теориях международных отношений.

Политика сближения сторон конфликта на основании осознания общих угроз, в виде общих противников, представлена в Общей теории социального конфликта Льюиса Козера (Coser L.) [22] как союз конфликтующих сторон против общего противника.

Однако существование «общего противника» является показателем конфликта второго уровня. Согласно логике Козера Л., новый конфликт содействует выдавливанию конфликта первого уровня, что является весьма спорным. Если следовать этой логике, то для урегулирования конфликта второго уровня необходим поиск нового общего противника. Таким образом, возникает третий уровень конфликта и «конфликтная матрешка».

Например, в Абхазском кризисе существует внутреннее идеологическое противостояние между двумя категориями сторонников сецессии Абхазии от Грузии: сепаратистами и ирредентистами. Первые хотят создания независимого государства, а вторые – интеграцию с Российской Федерацией. Вместе с тем они объединяют усилия против унионистов – сторонников территориальной

целостности Грузии. Согласно данной модели, для урегулирования этого конфликта необходимо найти общего противника для унионистов и сецессионистов. И такие попытки существуют и в политическом, и в этническом измерениях конфликта. Однако этот процесс более похож на политические интриги, чем на миротворчество.

Подобный подход расширяет конфликт, появляются новые заинтересованные игроки, происходит интернационализация конфликта. В 2001–2008 гг. грузинские политические деятели активно использовали в политическом дискурсе этот термин – «интернационализация конфликта», подразумевая поиск новых союзников. Например, эксперт из Грузии – Хелашвили Г. – в 2008 г. имел такое мнение:

«Интернационализация проблемы решения судьбы двух сепаратистских регионов уже произошла автоматически после того, как этот конфликт перерос в конфликт между Грузией и Россией. Международное вмешательство в этот конфликт будет необходимо, но это займет определенное время и будет зависеть от исхода более глобального противостояния России с Западом. К сожалению, из-за того, что проблема стала международной (то есть грузинско-российской), решить ее станет еще более сложно. В данном случае интернационализация не панацея, а наоборот - необходимость, не обещающая простого и быстрого решения» [5].

В этом небольшом тексте эксперт допускает несколько значимых ошибок, требующих внимания. Во-первых, грузино-российский конфликт (по Абхазии) не возник, а существует около 200 лет. Во-вторых, он использует термин «сепаратистские регионы». Эти территории так называть неправомерно, так как сепаратисты являются лишь частью населения этих территорий. В-третьих, он оправдывает стратегию интернационализации конфликта, которая привела лишь к эскалации и к новым жертвам. К сожалению, подобные ошибки и сегодня допускаются ведущими политическими деятелями и учеными. Вместе с тем, эксперт справедливо признает, что эскалация конфликта на международном уровне лишь осложняет его урегулирование. При этом он перечисляет два уровня международного конфликта: Грузия–РФ; РФ–Запад.

Важным является также тот факт, что

объединение сторон конфликта против общего противника может содействовать временному, тактическому союзу и замораживанию конфликта, а не его урегулированию. В рассматриваемом нами случае, сепаратисты и ирредентисты побеждают унионистов, однако, это не ослабляет, а усиливает внутреннюю конфронтацию между ними. Фактором, усиливающим конфронтацию, является раздел власти и имущества проигравшей стороны и других ресурсов Абхазии.

В данном исследовании предложен альтернативный подход, ориентированный

не на интернационализацию конфликтов (расширение) и создание временных альянсов, а на локализацию конфликтов (от лат. localis – местный – ограничение расширения, распространения конфликта за пределы актуального состояния) [6]. А логика «интернационализации конфликтов» замещается логикой «интернационализации миротворческого процесса» и предполагает усиление миротворческого процесса посредством подключения дополнительных международных ресурсов [11] (смотрите таблицу №2).

Таблица 2

Сопоставление существующих и предлагаемых авторами подходов к организации миротворческих процессов

Существующий подход	Предлагаемый нами
Интернационализация конфликта. Расширение конфликта – увеличение количества внешних участников конфликта с целью изменения баланса сил.	Деинтернационализация конфликта – Локализация конфликта.
Монополизация переговорного процесса отдельными сторонами или субъектами конфликтов.	Демократизация переговорных процессов – равное вовлечение непосредственных участников внутреннего конфликта с целью повышения уровня легитимности миротворческого процесса.
Развитие квазимиротворческого процесса.	Планирование и развитие нового миротворческого процесса и его интернационализация.
Временные тактические альянсы.	Ориентация на стратегическое сотрудничество.
Объединение против общего противника.	Объединение для уменьшения общих угроз.

Предпочтение отдается не формуле сотрудничества участников конфликта по защите от «третьей стороны», а консолидации многосторонних усилий, направленных на определение системы общих угроз, их превенцию или минимизацию их вредного воздействия. Под системой общих угроз (СОУ) подразумевается совокупность явлений, которые угрожают безопасности всех участников процесса. Существуют различные методы классификации и ранжирования опасностей – рисков, вызовов

и угроз. По отношению к рискам и вызовам, угрозы имеют больший порядок важности.

В данной статье представлены две категории угроз:

- Угрозы, исходящие от самого конфликта. Важным является то, что стороны, втянутые в конфликт, настолько им увлечены, что не обращают внимания на то, что они имеют общие угрозы, от которых страдают. Им сложно сотрудничать и по той причине, что существует тотальный страх перед экстремистами, которые пытаются

пресечь любые формы сотрудничества. Они оказывают психологическое и физическое воздействие, безнаказанно пользуются различными технологиями политического террора и насилия.

- Угрозы, не связанные напрямую с конфликтом. В данном процессе все участники многоуровневого конфликта консолидируют усилия вокруг одних-осознанно выбранных угроз, не связанных на прямую с самим политическим конфликтом или угрозой возобновления вооруженного конфликта.

Чем нагляднее представлена система общих угроз, тем эффективнее можно сделать выбор. Существуют специальные техники отбора. Например, если разложить угрозы по принципу сложности/простоты решения вопроса, то правильнее было бы начать процесс сотрудничества с легко решаемых проблем. С другой стороны, полезно учитывать фактор симметричности угроз. То есть эта угроза должна быть по мере возможностей одинаково значимой для всех участников процесса. Необходимо учесть, что в ситуации конфликта, участники чувствительны ко всем изменениям в окружающей среде. Одним из параметров для принятия решения являются качественные и количественные характеристики. Например, важным является вопрос – какое количество сторон-участниц кризиса будут удовлетворены в каждом конкретном случае.

В случае Абхазского кризиса предпочтительным является концентрация внимания на угрозы, не исходящие от самого конфликта, и ориентация на многостороннее (мультилатеральное) сотрудничество.

Очень важным в этом случае является процессуальная сторона и, в частности, формулировка возможного сотрудничества. Не менее важным является то, кто инициирует сотрудничество. Ошибки, допускаемые в этом направлении, могут загубить идею, инновацию, инициативу, миротворческий ресурс.

Например, Министр иностранных

дел Грузии Давид Залкалиани предложил «абхазским и осетинским братьям всевозможную поддержку по вопросам борьбы с коронавирусом» [19]. Однако, как и следовало ожидать, отклика министр не получил, так как само заявление, по своей форме носило характер помощи в той ситуации, когда на территориях Абхазии и т.н. Южной Осетии не было зафиксировано случаев заболевания, а в тбилисских больницах уже были локализованы два пациента. Подобного типа заявления контрпродуктивны. Они в большей степени направлены не на развитие связей с сепаратистами и усиление миротворческого процесса, а на рекламу (в стратегии на антирекламу) грузинской гуманитарной политики на международной арене. В результате контрольно-пропускные пункты с Грузией в очередной раз были закрыты, а гуманитарная медицинская помощь пошла из Москвы.

Тема коронавируса могла бы быть весьма подходящей для инициирования расширенного формата участников, включая конфликтные зоны Кавказа. При этом подобные встречи с соблюдением особых условий могли бы происходить не в третьих странах, а именно в конфликтных регионах. Например, в самом Сухуми. Это тот случай, когда в данном формате могли бы присутствовать все участники процесса, указанные в модели Абхазского политического кризиса, включая соответствующий спектр международных организаций. Данная инициатива о сотрудничестве (в более приемлемой форме) могла бы быть заявлена со стороны унионистов Абхазии – Верховного Совета Абхазии (в изгнании). Однако центральные власти в Тбилиси ограничивают их международную активность. Тем самым они уменьшают уровень легитимности властей в изгнании. Хотя в интересах миротворческого процесса выравнивание уровней легитимности политических институтов сепаратистов и унионистов.

Для каждого уровня политического

кризиса могут быть подобраны для сотрудничества разного вида угрозы. По некоторым угрозам возможно соучастие в процессе представителей всех уровней кризиса.

Понимание и осознание фактора существования общих угроз и их систематизация могли бы определить уровень значимости возможного сотрудничества; сменить установку с конфронтации на сотрудничество; мобилизовать совместные усилия по ликвидации или уменьшению общих угроз.

Концепция осознания общих угроз может быть использована для консолидации усилий для решения общих проблем – в оперативных, тактических и стратегических целях.

Переход от положения осознания системы общих угроз к Абхазскому сообществу безопасности

Тезис восприятия «общих угроз» наглядно представлен в теории формирования альянсов и общей оборонительной политики. Как правило, альянсы представляются как тип международной организации или форма управления, целью которых является объединение возможностей членов таким образом, чтобы это соответствовало их интересам [25, с. 68].

Членами альянсов могут быть не только государства, но и конкретные негосударственные институты – диаспора, муниципалитеты, регионы, университеты, школы, спортивные организации, институты гражданского общества и СМИ, национальные или зарубежные фонды, «think-tank» – и, религиозные организации, бизнес – организации, а также квазигосударственные образования и соответствующие социальные институты, находящиеся под их контролем, организованные преступные группировки, включая и террористические организации, нелегальные организации [12].

Профессор Института политологии им. Отто Зура, Свободного университета Берлина Браух Г. (Brauch H.) приводит информацию из

доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам Генерального секретаря (от 2 декабря 2004 г.), в котором приводится расширенное понимание концепции «безопасности»:

«В новом формирующемся консенсусе в области безопасности, коллективная безопасность основывается на трех основных столпах (синопсис доклада). Сегодняшние угрозы не признают национальных границ, связаны между собой и должны рассматриваться на глобальном и региональном, а также на национальном уровнях. Ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, своими собственными усилиями не может сделать себя неуязвимым для сегодняшних угроз. И нельзя предполагать, что каждое государство всегда сможет или захочет выполнить свою обязанность по защите своих народов, а не по нанесению вреда своим соседям. ... Различия в силе, богатстве и географии действительно определяют то, что мы воспринимаем как самую серьезную угрозу нашему выживанию и благополучию. ... Без взаимного признания угроз не может быть коллективной безопасности. ... То, что нужно, - это не что иное, как новый консенсус. ... Суть этого консенсуса проста: мы все несем ответственность за безопасность друг друга» [21, с. 28].

Формирование консенсуса по вопросам безопасности вокруг Абхазского кризиса является очень сложной, но разрешимой задачей.

Среди общих идеологических угроз, усиливающих кризис и мешающим достижению этого консенсуса, можно выделить такие, как: групповой фаворитизм, трайбализм [9], этноцентризм, шовинизм, агрессивный национализм, империализм, терроризм и политическое насилие, разного рода дискриминации. Этим страдают в той или иной степени все стороны конфликта. Для унитаристов главной угрозой является закрытие темы и смирение с существующим

положением. Для сецессионистов, главной угрозой является возобновление вооруженного противостояния.

Люди, имеющие историческую память о проявлениях массового насилия, на основании постоянно переживаемого ими чувства солидарности с жертвами, способны с целью предупреждения рецидивов искать способы для создания многоуровневых систем безопасности. Высшей задачей является именно создание подобных систем с участием противоположной стороны.

Например, осознание общей угрозы (нацизма и возможной реанимации новых войн), сыграло важную роль в процессе формирования Европейского союза. Европа, пережившая за первую половину XX ст. две мировые войны, раздираемая экономическими и политическими противоречиями, благодаря созданию Европейского союза открыла новую страницу мирного сосуществования и развития между народами, которые еще так недавно воевали между собой. Эти фундаментальные особенности, мотивирующие создание ЕС, не в достаточной степени понимаются сторонниками европейской интеграции из стран бывшего СССР. В ЕС они ищут прежде всего экономического и политического союзника и/или покровителя. Однако стратегически важным ресурсом ЕС (для втянутых в многолетние конфликты постсоветских республик) являются именно миротворческие ценности и опыт построения общего экономического и политического пространства странами-участницами Второй мировой войны.

Очень важным является опыт создания и деятельности ОБСЕ, так как в отличие от ЕС, в этой организации присутствует и РФ, что придает ей большую значимость. В рамках ОБСЕ признается, что ни одно государство или организация не может эффективно решать транснациональные проблемы в одиночку [4]. Следовательно, есть необходимость выработки и задействования

комплексных подходов к безопасности для разработки коллективных мер реагирования. Коллективные меры ОБСЕ представлены в рамках трех основных измерений деятельности ОБСЕ, затрагивающих военно-политические, экономические/экологические и человеческие аспекты, а также в области межизмеренческих аспектов [27]. Эта организация активно использует концепцию «сообщества безопасности», которая была сформулирована немецким ученым Карлом Дойчем ещё в 1957 г. в работе «Политическое сообщество и североатлантическое пространство: международная организация в свете исторического опыта» (*Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*), и подразумевала под этим понятием такое сообщество, в котором есть реальная уверенность, что члены данного сообщества не будут выяснять отношения между собой посредством рукоприкладства, а будут разрешать свои споры как-то иначе [8, с. 85; 28]. Основная идея работы состоит в том, что взаимное доверие и наличие общей идентичности являются главными факторами возникновения уверенности в мирном развитии отношений между государствами.

Адлер Э. (Adler E.), развивая концепцию Дойча К. (Deutsch K.), отмечает, что «с точки зрения плюралистических сообществ безопасности, для обеспечения реального «позитивного» мира не требуется выходить за рамки национального государства, отказываться от существующей культурно-этнической лояльности и идентичности или полностью интегрироваться в состав единого государства» [32].

В контексте общих угроз стоит также рассмотреть концепцию «кооперативной (совместной) безопасности» (*Cooperative security*) (концепция, на которой основано НАТО).

Михалка (Mihalka M.), в своей работе *Cooperative Security in the 21st Century*, указывает на то, что термин «кооперативной

(совместной) безопасности» (Cooperative security) употребляется в различных интерпретациях и обозначает совместную работу государств [26].

Часто он используется в качестве синонима термина коллективная безопасность (collective security), однако этот термин, согласно Равеналу (Ravenal E.) [29], имеет более узкое значение для описания типа системы безопасности «когда государства соглашаются действовать вместе против одного из членов системы, предпринимающего агрессивные действия против другого члена». Михалка также выделяет такие понятия, как общая безопасность (common security) (ситуация, когда общая угроза в равной степени оказывает влияние на государства) и «всеобъемлющая безопасность» (comprehensive security) (система безопасности, включающая как традиционные так и нетрадиционные угрозы). Эванс Г. (Evans G.), в статье Cooperative Security and Intrastate Conflict пишет, что кооперативная безопасность как раз и представляет собой понятие, включающее все три вышеописанные концепции [24].

Для Коена Р. (Cohen R.) кооперативная безопасность виделась несколько иначе. Он выделял четыре измерения системы кооперативной безопасности, которая включала индивидуальную безопасность, коллективную безопасность, коллективную оборону и продвижение стабильности [23].

Заключение

В случае, если участники кризиса выразят готовность к осознанию общих угроз, проявят политическую волю, а также предпримут конкретные действия, то возможно будет создание Международной рабочей группы по формированию Концепции Абхазского сообщества безопасности. Данная концепция представляет из себя:

- Теоретическое видение процесса, опирающееся на международный опыт.
- Документ, систематизирующий

общие угрозы.

- Программа действий по превенции и уменьшению угроз.

Концепция Абхазского сообщества безопасности, это путь перехода от состояния кризиса и политической аномии к новому политическому порядку.

Абхазский кризис может рассматриваться не только как проблема, обрекающая участников на драматический исход. Как и любой другой кризис, при правильном управлении, он может вывести стороны-участницы на совершенной иной уровень сосуществования и развития. И этот процесс зависит от того, насколько интеллектуальный потенциал Абхазского сообщества безопасности, окажется в этом отношении достаточным. От того, насколько ясно и четко будут сформулированы общие опасности – риски, вызовы и угрозы, настолько долгосрочной может быть перспектива сотрудничества.

Субъектами процесса построения Абхазского сообщества безопасности, в отличии подхода Карла Дойча и его последователей, не являются только государства. Ценность данного исследования заключается именно в том, что в современных политических реалиях для достижения результатов, за столом переговоров должны находиться все реальные игроки. Они не должны выдавливаться из процессов, так как в этом случае, каждый из них становится носителем угроз для мирного процесса.

Исходя из вышесказанного, архитектура Абхазского сообщества безопасности должна быть подобна представленной в работе структуре Абхазского политического кризиса. И здесь, еще раз необходимо напомнить, что данная архитектурная композиция может стать лишь частью того монументального комплекса, который будет представлять из себя панорама миротворческого процесса, учитывающая другие (неполитические) составляющие данного кризиса.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. С. 252.
2. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности, Абхазская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=65
3. Демократические ценности и роль гражданского общества в повышении эффективности переговорных процессов, материалы международной встречи экспертов. SCIRS, 2005.
4. Документ одиннадцатой встречи Совета министров. Маастрихт 2003 г. Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения. Том II. Сборник документов в хронологическом порядке. 3 изд. Опубликовано Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. ОБСЕ/БДИПЧ, 2011 г.
5. Интернационализация не панацея, а необходимость. Интервью с Георгием Хелашвили – экспертом по международной политике и региональной безопасности Кавказа. 05.09.2008. URL: <https://inosmi.ru/world/20080905/243798.html>.
6. Ложкин Г. В., Порякин Н. И. Практическая психология конфликта, Межрегиональная Академия управления персоналом. Киев : МАУП, 2002. 256 с.
7. Национальный состав наличного населения на 1 января 2019 года. АБХАЗИЯ В ЦИФРАХ за 2018 год. Управление Государственной Статистики Республики Абхазия, 2018.
8. Нефедова Е. В. Теория сообщества безопасности в работах Карла Дойча и его последователей. Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2(3). С. 85.
9. Огнян Минчев: «Нет "матрешки", которую нельзя разделить». SCIRS. 2006. Понедельник № 22.
10. Пушкарева Г. В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество)*. 2016. № 1. С.140–164.
11. Проект 7D – «7 шагов» – основные принципы эффективной трансформации миротворческого процесса по урегулированию Абхазского и Цхинвальского конфликтов. Псевдоконфликты и квазимиротворчество на Кавказе (на примере Цхинвальского конфликта) / ред. Русецкий А. В., Дорохина О. Н. 2009. С. 278.
12. Русецкий А. Доклад, представленный на X Международной научной конференции «Социальное прогнозирование и планирование будущего страны: технологии миротворчества». Запорожский национальный университет. 2020.
13. Смородина М. Аномия общества и самоубийства. *Общественного мнения*. № 2 (78). С.140.
14. Сепаратисты и юнионисты Грузии: от межобщинного диалога к общенациональному согласию. Грузинский комитет Хельсинкской гражданской ассамблеи. 2007.
15. Туркиашвили Ш. А., Горозия В. Е. Понятие аномии и попытки его модификации. *Человек: соотношение национального и общечеловеческого*. Выпуск 2. Под ред. В.В.Парцвания. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С.249-258.
16. Топуридзе Нино. Роль Турции в грузино-абхазском конфликте. 19.02.2015. URL: <http://regional-dialogue.com/ru/rol-turtsii-abkhazia/>.
17. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа. Карта 35. Зона конфликта в Абхазии (1992–1993).
18. Численность населения Абхазии составляет 240 705 человек. 28 Декабря 2011. URL: <http://www.apsnypress.info/news/chislennost-naseleniya-abkhazii-sostavlyayet-240-705-chelovek/>.
19. David Zalkalkiani: afxaz da os zmebs tu raimе saxis daxmareba tu swirdebat, mzad vart // დავით ზალკალიანი: აფხაზ და ოს ძმებს რაიმე სახის დახმარება თუ სჭირდებათ, მზად ვართ, 27/02/2020. URL: <http://kvira.ge/543854>
20. Hak'ert'i Ralp, mosakhleobis dinamik'a sakartveloshi 2014 ts'lis mosakhleobis saqoveltao aghts'eris shedegebbe dapudznebuli mimokhilva // ჰაკერტი რალპ, მოსახლეობის დინამიკა საქართველოში 2014 წლის მოსახლეობის საყოველთაო აღწერის შედეგებზე დაფუძნებული მიმოხილვა. URL: <http://census.ge/files/results/publication/ge/3.%20Population%20Dynamics%20 GEO-Print F.pdf>
21. Brauch H. G. Threats, Challenges, Vulnerabilities and Risks in Environmental and Human Security, UNU Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS). 'Studies of the University: Research, Counsel, Education', Publication Series of UNU-EHS. 2005. No. 1/2005. p 28.
22. Coser Lewis A. Social Conflict and the Theory of Social Change. *The British Journal of Sociology*. 1957. Vol. 8, No. 3. pp. 197-207. Stable URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0007-1315%28195709%298%3A3%3C197%3ASCATTO%3E2.0.CO%3B2-H>.
23. Cohen R., Mihalka M. Cooperative Security: New Horizons for International Order. *The Marshall Center Papers*. 2001. No. 3. The George C. Marshall European Center for Security Studies. 88 p.
24. Gareth E. Cooperative Security and Intrastate Conflict, *Foreign Policy*. 1994. No. 96. pp. 3-20.
25. Fedder E. H. The Concept of Alliance. *International Studies Quarterl*. 1968. Volume 12, Issue 1. p.68.
26. Mihalka M. Cooperative security in the 21st Century. *Philosophy and Public Affairs*. 2001. 30 (4). pp. 387-416.
27. Organization for Security and Cooperation in Europe. URL: <https://www.osce.org/>
28. Political Community and the North American Area. Karl W., Sidney A. Burrell, Robert A. Kann, Maurice Lee, Martin Lichterman, Raymond E. Lindgren, Francis L. Loewenheim, Richard W. Van Wagenen, Series: Princeton

Legacy Library. Princeton University Press, 1957. 244 p.

29. Ravenal E. C. An Autopsy of Collective Security. *Political Science Quarterly*. 90(4). pp. 697–714.

30. Schwarz A., Seeger M. W., Auer C. The Handbook of International Crisis Communication Research. John Wiley & Sons, 2016.

31. The OSCE as a security community by Emanuel Adler. *OSCE Magazine*, 1/2011.

32. UNSC Resolution 1666. Adopted by the Security Council at its 5405th meeting on 31 March 2006. URL: <http://unsct.com/en/resolutions/doc/1666>

REFERENCES

1. Achugba, T. A. (2010). *Jetnicheskaja istorija abhazov XIX – XX vv. Jetnopoliticheskie i migracionnye aspekty [Ethnic history of the Abkhazians of the XIX–XX centuries. Ethnopolitical and migration aspects]*. (p. 252). Suhum [in Russian].
2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naselenija oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti [The All-Union Population Census of 1989. Distribution of urban and rural population of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality]. Abkhaz ASSR. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=65 [in Russian].
3. Demokraticeskije cennosti i rol' grazhdanskogo obshhestva v povyshenii jeffektivnosti peregovornyh processov, materialy mezhdunarodnoj vstrechi jekspertov [Democratic values and the role of civil society in enhancing the effectiveness of negotiation processes, proceedings of an international expert meeting]. (2005). *SCIRS* [in Russian].
4. Dokument odinnadcatoj vstrechi Soveta ministrov. Maastricht 2003 g. Objazatel'stva OBSE v oblasti chelovecheskogo izmerenija, Tom II, Sbornik dokumentov v hronologicheskom porjadke, Tret'e izdanie, Opublikovano Bjuro OBSE po demokraticeskim institutam i pravam cheloveka [Document of the Eleventh Ministerial Council Meeting, Maastricht 2003, OSCE Human Dimension Commitments, Volume II, Chronological Collection of Documents, Third Edition, Published by the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Right]. (2011). *OBSE/BDIPCh – OSCE / ODIHR* [in Russian].
5. Internacionalizacija ne panaceja, a neobhodimost', Interv'ju s Georgiem Helashvili - jekspertom po mezhdunarodnoj politike i regional'noj bezopasnosti Kavkaza [Internationalization is not a panacea, but a necessity. Interview with Georgy Khelashvili, an expert on international politics and regional security of the Caucasus]. (2008, September 5). Retrieved from <https://inosmi.ru/world/20080905/243798.html> [in Russian].
6. Lozhkin, G. V., & Povjakeľ, N. I. (2002). *Prakticheskaja psihologija konflikta [Practical Psychology of Conflict]*. Kyiv: MAUP [in Russian].
7. Upravlenie Gosudarstvennoj Statistiki Respubliki Abhazija. (2018). Nacional'nyj sostav nalichnogo naselenija na 1 janvarja 2019 goda [National composition of the current population as of January 1, 2019]. *ABHAZIJA V CIFRAH za 2018 god – ABKHAZIA IN FIGURES for 2018* [in Russian].
8. Nefedova, E. V. (2008). Teorija soobshhestva bezopasnosti v rabotah Karla Dojcha i ego nasledovatelej [Theory of the security community in the works of Karl Deutsch and his followers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorija – Bulletin of Tomsk State University, History*, 2(3), 85 [in Russian].
9. Ognjan Minchev: "Net 'matreshki', kotoruju nel'zja razdelit" [Ognian Minchev: "There is no "nesting doll" that cannot be divided"]. (2006). *SCIRS*, 22 [in Russian].
10. Pushkareva, G. V. (2016). Politicheskie krizisy: sodержanie, vidy i faktory jeskalacii [Political crises: content, types and factors of escalation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). – Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society)*, 1, 140–164 [in Russian].
11. Ruseckij, A. V., & Dorohina, O. N. (2009). Proekt 7D – "7 shagov" – osnovnye principy jeffektivnoj transformacii mirotvorcheskogo processa po uregulirovaniju Abhazskogo i Chinval'skogo konfliktov, Pseudokonflikty i kvazimirotvorchestvo na Kavkaze (na primere Chinval'skogo konflikta) [Project 7D – "7 Steps" – the basic principles of the effective transformation of the peacemaking process for the settlement of the Abkhaz and Tskhinvali conflicts, pseudoconflicts and quasi-peacemaking in the Caucasus (the example of the Tskhinvali conflict)] [in Russian].
12. Ruseckij, A. (2020). *Doklad, predstavlenyj na X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Social'noe prognozirovanie i planirovanie budushhego strany: tehnologii mirotvorchestva"* [Report presented at the X International Scientific Conference "Social Forecasting and Planning of the Future of the Country: Peacekeeping Technologies"]. Zaporozhskij nacional'nyj universitet [in Russian].
13. Smorodina, M. (2006). Anomija obshhestva i samoubijstva [Anomia of society and suicide]. *Obshhestvennogo mnenija – Public opinion*, 2 (78), 140 [in Russian].
14. Secessionisty i junionisty Gruzii: ot mezhobshhinnogo dialoga k obshhenacional'nomu soglasiju [Georgia Secessionists and Unionists: From Intercommunal Dialogue to National Consent]. (2007). Gruzinskij komitet Hel'sinskijoj grazhdanskij assamblei [in Russian].
15. Turkiashvili, Sh. A., & Gorozija V. E. (2004). Ponjatie anomii i popytki ego modifikacii [The concept of anomie and attempts to modify it]. *Chelovek: sootnoshenie nacional'nogo i obshhechelovecheskogo – Man: the ratio of national and universal*. V. V. Parevanija (Ed.). (No. 2, pp. 249–258). Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo [in Russian].
16. Topuridze Nino. (2015, February). Rol' Turcii v gruzino-abhazskogo konflikte [The role of Turkey in the Georgian-

- Abkhaz conflict]. Retrieved from <http://regional-dialogue.com/ru/rol-turtsii-abkhazia/> [in Russian].
17. Cuciev, A. Atlas jetnopoliticheskoi istorii Kavkaza. Karta 35. Zona konflikta v Abhazii (1992–1993) [Atlas of the ethno-political history of the Caucasus, Map 35. Zone of conflict in Abkhazia (1992–1993)].
18. Chislennost' naselenija Abhazii sostavljaet 240 705 chelovek [The population of Abkhazia is 240 705 people]. (2011, December 28). <http://www.apsnypress.info/news/chislennost-naseleniya-abkhazii-sostavlyaet-240-705-chelovek/>.
19. Davit Zalk'aliani: apkhaz da os dzmebs raime sakhis dakhmareba tu sch'irdebat, mzdart vart. (2020, February 27). Retrieved from <http://kvira.ge/543854> [in Georgian].
20. Hak'ert'i Ralp, mosakhleobis dinamik'a sakartveloshi 2014 ts'lis mosakhleobis saqoveltao aghs't'eri shedegebe dapudznebuli mimokhilva. Retrieved from http://census.ge/files/results/publication/ge/3.%20Population%20Dynamics%20_GEO-Print_F.pdf [in Georgian].
21. Brauch, H. G. (2005). Threats, Challenges, Vulnerabilities and Risks in Environmental and Human Security, UNU Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS). *Studies of the University: Research, Counsel, Education*, Publication Series of UNU-EHS, 1, 28.
22. Coser Lewis A. (1957). Social Conflict and the Theory of Social Change. *The British Journal of Sociology*, 8 (3), 197–207. Retrieved from <http://links.jstor.org/sici?sici=0007-1315%28195709%298%3A3%3C197%3ASCATTO%3E2.0.CO%3B2-H>.
23. Cohen, R., & Mihalka, M. (2001). Cooperative Security: New Horizons for International Order, *The Marshall Center Papers*. No. 3. The George C. Marshall European Center for Security Studies.
24. Gareth, E. (1994). Cooperative Security and Intrastate Conflict. *Foreign Policy*, 96, 3–20.
25. Fedder, E. H. (1968). The Concept of Alliance. *International Studies Quarterly*, 12 (1), 68.
26. Mihalka, M. (2001). Cooperative security in the 21st Century. *Philosophy and Public Affairs*, 30 (4), 387–416.
27. Organization for Security and Cooperation in Europe. Retrieved from <https://www.osce.org/>.
28. *Political Community and the North American Area*. (1957). Karl W. Deutsch, Sidney A. Burrell, Robert A. Kann, Maurice Lee, Martin Lichterman, Raymond E. Lindgren, Francis L. Loewenheim, Richard W. Van Wagenen, Series: Princeton Legacy Library. Princeton University Press.
29. Ravenal, E. C. (1976). An Autopsy of Collective Security. *Political Science Quarterly*, 90(4), 697–714.
30. Schwarz, A., Seeger, M. W., Auer, C. (2016). *The Handbook of International Crisis Communication Research*. John Wiley & Sons.
31. The OSCE as a security community by Emanuel Adler. *OSCE Magazine*, 1/2011.
32. *UNSC Resolution 1666*. (2006). Adopted by the Security Council at its 5405th meeting on 31 March 2006. Retrieved from <http://unsct.com/en/resolutions/doc/1666>.

Русецкий Александр

Доктор психологічних наук, докторант
Лабораторія Геополітичного моделювання
Кавказького Міжнародного Університету
0173, Грузія, Тбілісі, вул. Чаргальська, 73

Email: : alex_scirs@yahoo.com

Rusetsky Alexander

Doctor of Psychological Science, Doctoral Candidate
Laboratory of Geopolitical Modelling of Caucasus
International University
73, Chargali Str, Tbilisi, 0173, Georgia

Дорохіна Ольга

Доктор міжнародних відносин
Кавказький міжнародний університет
0173, Грузія, Тбілісі, вул. Чаргальська, 73

Email: olga_dorokhina@ciu.edu.ge

Dorokhina Olga

Doctor of International Relations
Caucasus International University
73, Chargali Str., Tbilisi, 0173, Georgia

Цитування: Русецкий О., Дорохіна О. Абхазька криза: від Концепції усвідомлення спільних загроз до побудови «Абхазької спільноти безпеки». *Науково-теоретичний альманах «Грані»*. 2020. Т. 23, № 3. С. 118–134.

Citation: Rusetsky, A. & Dorokhina, O. (2020). Abkhazka kryza: vid Kontseptsii usvidomlennia spilnykh zahroz do pobudovy «Abkhazkoi spilnoty bezpeky» [Abkhazian crisis: from the Concept of Awareness of Common Threats to the Building of an "Abkhazian Security Community"]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 23 (3), 118–134.

Стаття надійшла / Article arrived: 26.02.2020

Схвалено до друку / Accepted: 08.03.2020